

Концептуализация «авторитарного побуждения» в чешском и русском языковых пространствах¹

© кандидат филологических наук А. И. Изотов, 2002

Смысловая структура «авторитарного» побудительного речевого акта может быть представлена следующим образом:

Говорящий сообщает Слушающему о *необходимости* и *возможности* осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и *возможность* данного действия обуславливается *волеизъявлением* Прескриптора.

Поскольку чешский и русский языки семантически структурируют поле императивности не совсем одинаково, соотношения между чешскими и русскими побудительными интерпретациями далеко не всегда однозначны, поэтому предлагаемое далее разбиение на параграфы носит несколько условный характер (не все интерпретации вынесены в названия этих параграфов, некоторые интерпретации упоминаются в нескольких параграфах, некоторые русские или чешские интерпретации не будут иметь формального соответствия в другом языке и т. д.).

Příkaz, rozkaz, nařízení — приказ, распоряжение

В ситуации *приказа* побуждение направлено «сверху вниз», в данном конкретном акте коммуникации говорящий занимает авторитарную по отношению к адресату позицию и не сомневается, что адресат выполнит (либо, по крайней мере, попытается выполнить) каузируемое действие. Эта уверенность основана на социально институализированном праве либо ситуативно обусловленной возможности Прескриптора применить по отношению к Агенсу серьезные санкции (поэтому приказывать может не только начальник подчиненному, но и грабитель в темном переулке — прохожему).

Необходимо отметить, что в чешской языковой картине мира *приказ* менее авторитарен, чем в русской, о чем, по нашему мнению, свидетельствует обычность сочетания *naléhavý rozkaz* в чешских лингвистических текстах, ср. [Grepl, Karlík 1986: 71], [Mluvnické češtiny 1987: 339]. В русской же языковой картине мира сочетание **настойчивый приказ* имеет, по нашему мнению, ярко выраженный оксиморонный характер

¹ Автор признателен сотрудникам Института Чешского национального корпуса при философском факультете Карлова университета в Праге за любезно предоставленную возможность пользоваться собранным ими и хранящимся в компьютерном виде фактическим материалом, в частности, подкорпусом SYN2000 (около ста миллионов словоформ), представляющим основные функциональные стили современного чешского литературного языка, см. <http://ucnk.ff.cuni.cz/>

— там, где у Говорящего есть возможность *приказывать*, ему незачем *настаивать*². Об этом же косвенно может свидетельствовать и то обстоятельство, что в нашем русском материале в авторском комментарии к побудительной реплике персонажа рассматриваемого типа в тех случаях, когда речь не идет о многократно повторяющемся действии, используются только глаголы совершенного вида, тогда как в материале чешском — глаголы как совершенного, так и несовершенного. Мы полагаем, что в русской языковой картине мира *приказ* концептуализируется как завершенное действие, а в чешской может пониматься и как растянутый во времени процесс, ср. следующие примеры из романа Я. Гашека, при переводе которых на русский язык П. Богатыреву пришлось поменять видовую характеристику глагола:

“Není doma,” řekl tvrdě Švejk, ale mladá dáma byla již v předsíni a kategoricky přikazovala Švejkovi: “Odneste kufry do pokoje”

‘«Нету дома», — твердо сказал Швейк, но молодая дама была уже в передней и категорическим тоном приказала Швейку: «Отнесите чемоданы в комнату».’

“Polibte ještě, bábo, krucifix,” poroučel strážmistr, když Pejzlerka za ukrutného vzlykotu odprísáhla a pokřížovala se zbožně

‘«Теперь поцелуйте крест», — приказал вахмистр после того, как бабка Пејзлерка, громко всхлиывая, повторила присягу и набожно перекрестилась.’

Viděl prý také ve snu nějakého anděla, který mu přímo velel: “Otevři šuple od pohovky!”

‘А во сне ему якобы явился ангел и повелел: «Открой ящик в диване!»’

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что хотя современный чешский язык, подобно русскому, располагает немалым количеством выражающих «авторитарное» побуждение глаголов речевой каузации, эти чешские глаголы синонимичны в гораздо большей степени, чем соответствующие русские глаголы.

Речь идет прежде всего о глаголах *přikázat // přikazovat, rozkázat // rozkazovat, nařít // nařizovat, poručít // poroučet, nakázat // nakazovat*.

В нормативном «Словаре литературного чешского языка...» [Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost 2000] лексическое значение этих глаголов определяется одно через другое, ср.:

přikázat ^{dok.} 1. *dát příkaz, nařít², rozkázat, poručit 1: přikázat pacientovi ležet, aby ležel 2. kníž. přidělit 2, určit 1: přikázat někomu byt; byl*

² Ср. мнение анализирующего русские императивные высказывания Л. А. Бирюлина: «приказ не оставляет стоящему ниже в социальной иерархии возможности отказа или какого-либо обсуждения» [Бирюлин 1992: 26].

služebně přikázán jinam; přikázaný příd.: přikázaný směr jízdy; **přikazovat** ned.

nakázat dok. *přikázat 1, naříditi², poručiti 1*: rodiče nakázali dětem, aby...; nakázala mu sedět; **nakazovat** ned.

naříditi² dok. *dát rozkaz, přikázat 1, poručiti 1, nakázat*: nařídil mu, aby...; naříditi nemocnému klid, ležet; **nařizovat²** ned.

poručiti dok. **1.** *rozkázat, naříditi², přikázat 1*: poručila mu odejít, aby odešel **2.** *objednat 1 (v hostinci, obchodě ap.)*: poručiti si večeři; **poroučet** ned. (3. mn. -/ej/i): umí, zvykl si poroučet

rozkázat dok. *poručiti 1, přikázat 1, naříditi²*: rozkázal mu čekat, aby čekal; **rozkazovat** ned.

В соответствии с данными Чешско-русского словаря (1976), различия между глаголами *rozkázat, přikázat* и *poručiti* состоят фактически лишь в том, что у двух последних возможны некоторые дополнительные, лексически связанные значения, ср.:

rozká|zati³¹⁰, -žu, -ži dok. *komu co n. s inf.* приказать*I кому s inf. (от)дать* приказ, велеть II кому s inf.; распорядиться*II s inf.

přiká|zati³¹¹, -žu, -ži dok. **1.** *komu co n. s inf.* приказать*I кому s inf.; отдать* приказ n. распоряжение кому в чём, распорядиться*II o чём; **2.** *komu co (byt, pokoj ap.)* дать*, отвести*I кому что. **3.** *koho kam (služebně, na práci ap.)* определить II, назначить II кого куда.

poruč|iti³⁵⁶, -ím dok. **1.** *komu co n. se sp. aby* приказать*I кому s inf. **2.** *~it si co (večeři ap.)* заказать*I (себе) что.

О том, что в чешском языковом сознании речь идет фактически об одном и том же подтипе побуждения, свидетельствует и то, что побуждение, выражаемое с помощью перформативных конструкций, содержащих формы *přikazují, rozkazují, poroučím*, характеризуется одним термином, выглядящим как *rozkaz (přikaz)* [Mluvnice češtiny 1987: 339], ср. также [Müllerová 1979], [Příruční mluvnice češtiny 1996]). Впрочем, порой мы можем встретиться с оговоркой, что хотя *rozkaz* и *přikaz* семантически очень близки, их иногда пытаются развести, утверждая, что первым каузируется какое-то однократное действие, тогда как «срок годности» второго более продолжителен [Mluvnice češtiny 1987: 339]. Если это так, то чешские *rozkaz* и *přikaz* в определенном плане соотносятся как русские *приказание* и *приказ* — в то время как чешский *rozkaz* и русское *приказание* используются исключительно для обозначения одного конкретного подтипа побуждения, близкого к *команде* (чешск. *povel*), русский *приказ* и чешский *přikaz* может использоваться также в качестве общего понятия для группы «авторитарных» побудительных интерпретаций.

Не случайно чешский *rozkaz* часто переводится русским *приказанием*, ср.:

Zasalutovan podal jí dopis a Šвейк взял под козырек, podal ей hlásil: "Podle rozkazu pana письмо и доложил: — Согласно приказу obrlajtnanta mám se k vám, zанию господина обер-лейтенанта, я

milostpaní, chovat uctivě a *обязан вести себя с вами, сударыня, такně a obsluhovat vás uctivě* *учтиво и тактично, служить не за а udělat vám všechno, co vám* *страх, а за совесть и исполнять все vidím na očích”* (J. Hašek. *ваши желания, которые только прочту Osudy dobrého vojáka* *в ваших глазах* (Перевод П. Богаты-Švejka)

Чешское *nařízení*, так же, как и русское *распоряжение*, соотносится с понятием более общим (с русским *приказ* и чешским *příkaz*), оба так или иначе ассоциативно связаны с идеей упорядочения, устройства, управления, ср. однокоренные русск. *порядок, упорядочить*, чешск. *řízení, zařídit, řídit*. Нам тем не менее представляется, что чешское *nařízení* вычленяется из общего понятия *приказ — příkaz* менее отчетливо, чем русское *распоряжение*.

Так, в нашем русском материале в качестве *приказа* характеризуются высказывания, содержащие одно побуждение, а в качестве *распоряжения* — содержащие, как правило, более одного побуждения, ср. некоторые примеры из произведений А. и Б. Стругацких: «*Кладите этого сюда же*», — *приказал он Панди*. (Обитаемый остров); «*Замолчи*», — *приказал Максим*. (Обитаемый остров); «*Вели обед на двоих*», — *приказал он на ходу*. (Трудно быть богом); *Поупражнявшись минут десять в выпадах и отражениях, Румата воткнул мечи в стену, нагнулся над пустой лоханью и приказал: «Лей!»* (Трудно быть богом); «*За упряжкой*», — *приказал Антон и откинулся на спинку кресла*. (Попытка к бегству); *Окончив инструкции, господин ротмистр Чачу распорядился: «Капрал Гаал, останьтесь. Остальные свободны»*. (Обитаемый остров); *Затем роту отвели к казарме, и ротмистр распорядился: «Первая секция назначается в конвой. Остальным секциям приступить к занятиям по распорядку»*. (Обитаемый остров)³.

Наш чешский материал о подобном распределении говорить не позволяет: в качестве *nařízení* регулярно характеризуются высказывания, содержащие одно побуждение (ср. — *Popište onoho tuže! — nařídil policejní komisař*. (J. Marek. *Panoptikum starých kriminálních příběhů*) «*Опишите этого мужчину*», *сказал [букв. распорядился] комиссар полиции*), а в качестве *příkaz* — содержащие более одного побуждения (ср. *Příkázal přísně Lidušce: Lido, plavat. Postavit na kafe a pak dodělat ten příklad*. (J. Procházka. *Klauni*) «*Он строго сказал [букв. приказал] Лиде: «Лида, шевелись. Поставь воду для кофе и доделывай свой пример»*»).

³ Следующие примеры, казалось бы, не подтверждают эту закономерность, однако нетрудно заметить, что в них всех «авторская ремарка» следует непосредственно за первым из побуждений, так что формально они этой закономерности не противоречат: «*Слезай вниз, — приказал я строго, — и отвечай на вопрос*». (Хищные вещи века); «*Сядь перед упряжкой, — приказал Антон, — и поговори с ним*». (Попытка к бегству); «*Пусть хозяин катит бочку, — приказал он, — а эти девочки (он указал на караульных гвардейцев, игравших в карты за другим столом, пусть идут сюда)*». (Трудно быть богом).

Показательно и то обстоятельство, что в приводимых в [Арутюнов, Паролкова, Лизунов 1988: 37] в качестве функционально эквивалентных чешских и русских высказываниях чешскому *příkaz* может соответствовать и *приказ*, и *распоряжение*, ср.:

Будем ждать. Приказ есть при- Так budete čekat. Příkaz je příkaz. каз.

Тогда скажите, что это Так řekněte, že je to příkaz (z) распоряжение министерства. ministerstva.

В обоих сопоставляемых языках представлены тематизирующие авторитарное побуждение глаголы речевой каузации с отчетливой этимологической внутренней формой «передать в руки». Речь идет о русской видовой паре *поручить / поручать* и чешской *poručit / poroučēt.*, которые, впрочем, в истории каждого языка семантически значительно разошлись.

Для А. Вежбицкой ‘поручать’ значит ‘уполномочивать’ [Вежбицка 1985: 265], именно данный оттенок значения (‘наделение правом совершить каузируемое действие’) противопоставляет *поручение* другим побудительным интерпретациям данной подгруппы (побудительные интерпретации, маркированные по признаку «авторитарное побуждение» — условно *приказ*). Впрочем, речь идет о привативной оппозиции, а никак не об эквиолентной: ‘наделение правом совершить каузируемое действие’ предполагается, если авторитет Прескриптора достаточно высок не только для Агенса, но и для тех, чьи интересы данное каузируемое действие может задевать и кто мог бы этому действию воспротивиться. Так, когда в поэме М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» православный царь «*велит*» братьям осужденного «по всему царству русскому широко торговать безданно, беспошлинно», его повеление касается не только того, кто будет торговать, но и того (и прежде всего того!), кто может попытаться пошлину взыскивать.

Мы, однако, склонны полагать, что хотя оттенок значения ‘наделение правом совершить каузируемое действие’ действительно характеризует семантический потенциал *поручения*, актуализуется этот признак далеко не во всех употреблениях русского глагола *поручить*. Что же касается чешского языка, то данный оттенок значения выражается уже не глаголом *poručit*, а глаголом *pověřit*, ср.:

Mě pověřil divisijní soud, jako ‘Дивизионный суд поручил мне, vašeho představeného, vyslechnout как вашему начальнику, допросить вас и одновременно посылать материалы следствия. tykající se vyšetřování. (J. Hašek. et мне материалы следствия. Osudy dobrého vojáka Švejka) (Перевод П. Богатырева)’

Мы считаем, что для русского речупотребления характерна актуализация другого содержащегося в семантическом потенциале *пору-*

чения оттенка значения — каузируется действие, исполнение которого важно для Прескриптора. Поэтому для вычленения **поручения** из общей подгруппы «авторитарных» побудительных интерпретаций важен не только признак ‘наделение правом совершить каузируемое действие’, но и признак ‘важность исполнения каузируемого действия для Прескриптора’⁴. Во всяком случае, мы намерены постулировать это для русского языкового пространства, причем речь опять пойдет о привативной, а не об эквиполентной оппозиции: дивизионный суд может не только *поручить* полковнику разобраться с провинившимся подчиненным, но и *приказать* сделать это и смысл высказывания от этого не изменится — как *по поручению*, так и *по приказу* полковник будет делать то, что нужно для Прескриптора, тогда как если царь не *велит*, а *поручит* кому-либо «торговать безданно, беспошлинно», смысл высказывания изменится весьма кардинально (можно будет предположить, что сам царь каким-либо образом заинтересован в полученной таким образом лишней прибыли). Данное противопоставление (*поручить* — *приказать*) в русском речепотреблении часто нейтрализуется: первый же пример параграфа **1.12. Распоряжение, указание, приказ** в [Арутюнов, Паролкова, Лизунов 1988] выглядит как *У меня к вам небольшое поручение* [шрифтовое выделение наше — А. И.].

В современном чешском речепотреблении эта нейтрализация имеет абсолютный характер: формы глаголов *přikázat / přikazovat* и *poručit / poroučet* регулярно употребляются одними и теми же авторами в сходных контекстах в сходном значении, ср. некоторые примеры из популярного детективного сериала Й. Прохазки о майоре Земане:

– *Jděte otevřít, – přikázal mi, – podívejte se. Ale myslete přitom, že vám pořád mířím na záda.* – ‘Идите откройте, – приказал он ему, – посмотрите, кто там. Но при этом помните, что я целюсь вам в спину».’

Namířil na ni pistoli a poručil: – Lžeš. Jdi stranou! – ‘Он направил на нее пистолет и приказал: «Врешь. Отойди в сторону!»’

Lidušce na odchodnou přikázal: – Máte vyříd', ať mě dnes radši nečeká. – ‘Лиде он сказал [букв. приказал]: «Передай маме, пусть меня сегодня лучше не дожидается.»’

– *Dej mi něco jíst, – poručil nakvašeně.* – ‘«Дай что-нибудь поесть», – сказал [букв. приказал] он кисло.»’

⁴ Сказанное, естественно, никак не является ни «опровержением» А. Вежбицкой, ни упреком ее переводчику: исследовательница анализировала не русские, а английские перформативные глаголы, и мы не собираемся вваливать на кого-то ответственность за несовпадение английской и русской (чешской) языковых картин мира.

Данная нейтрализация закономерно привела к исчезновению из чешского языка соответствующего отглагольного деривата **poručení*, отсутствующего в нормативном словаре [Slovník spisovné češtiny... 2000], но представленного в [Slovník spisovného jazyka českého 1989], включающего в себя, помимо современной, лексику «золотого фонда» чешской литературы, ср.:

poručení, -í s. 1. **poněk. zast. zdvořilý pozdravný vzkaz, odevzdání se v něčí přízeň**: pěkné p. slečince (Rais); vzkázat, vyřídit uctivé p. † 2. **nařízení, rozkaz, příkaz**: dostat p. odjeti (Jir.); pečeti opatřené p. císařské † 3. **doporučení**: platné p. podat (Tyl) † 4. **poslední vůle, závět'**: umíraje, v p. svém vzpomínal na bratra (Schulz); v. též **poručiti**

Этот словарь фиксирует с пометой † также и рефлекс «этимологического» значения 'передать в чьи либо руки' у глагола **poručit** (выделение серым фоном наше), ср.:

poručiti dok. (3. mn. -i) 1. (komu co; co; ~) **dát rozkaz k něčemu; nařít II 1, rozkázat, přikázat, nakázat 1, uložit** poručil mu, aby vše zařídil; poručil připravit materiál; dovede p.; lékař mu poručil klid *ředepsal, doporučil*; přen. neměl sil si p. *římět se k něčemu*; srdce mu poručilo, aby tak jednal *římělo ho* 2. p. (si) (co) *objednat si (zvl. v hostinci, obchodě op.); požádat (oč)*: p. si víno, večeri; poručila si kilo masa; poručil si pohřeb chudický (Rais) *yslovil přání* † 3. (koho, co komu, čemu) *odevzdat něčí pozornost, nikomu do ochrany; odporučit* 2: p. syna péči vychovatele (Stroup.); p. les pánuobohu (Vrba) *nestarat se o něj*; ♦ pánuobohu, osudu poručeno (*výraz smíření se s něčím*) † 4. (koho, co koma, čemu) *doporučit*: také mne poručil přízni této ctné paní (Jir.) 5. **poněk. zast. (komu co) odkázat I (v závěti)**: p. podíl ženě • předp. **do-, na-, od-**; – ned. **poroučeti, poručovati**

Глаголы *nakázat/nakazovat*, входящие, по данным [Slovník... 2000] в синонимический ряд *přikázat // přikazovat, rozkázat // rozkazovat, nařít // nařizovat, poručit // poroučet*, крайне неупотребительны и самостоятельного подтипа «авторитарного» побуждения, на наш взгляд, не образуют, ср. примеры из «Чешского национального корпуса»:

Ale pan Pumblehook nakázal: «Dejte mu víno, panínko. V něm též není, za to ručím.» <doc S|NOV|1996|dicken1> <s 001-p232s3>

‘Однако господин Памблхук распорядился: «Дайте ему вина, барышня. В нем дегтя нет, ручьюсь»’.

‘*Jdi tedy tamhle naproti do pokoje,» nakázala a ukázala svou zvadlou rukou na dveře za mnou, «a počkej tam, až přijdu.»* <doc S|NOV|1996|dicken3> <s 001-p53s1>

‘«Иди вон в ту комнату напротив, – велела она, показав старческой рукой на дверь за моей спиной, – и подожди там, пока они не придут.»’

*Předal jsem Tošovi ukradenou peněženku, dopil pivo, postavil se a **nakázal** mu: «Je čas vydat se na lov! Drž mi tu místo! « <doc S|NOV|1997|marcin> <s 002-p249s2>*

‘Я передал Тошу украденный кошелек, допил пиво, встал и сказал [букв. приказал] ему: «Пора на охоту! Постереги мое место!»’

*«Postavte se,» **nakázala** mu doktor-ka. <doc S|NOV|1997|sharpe><s 001-p98s1>*

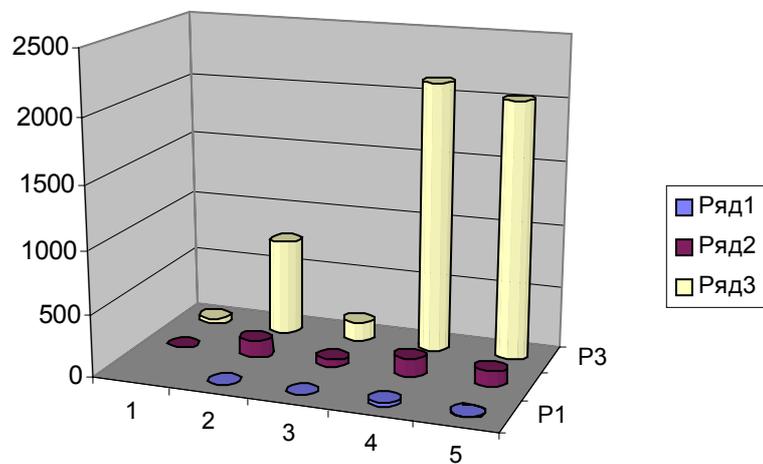
‘«Встаньте!» – велела мне врач.’

*Držela své ratolesti hlavu pod perinou, zdálo se, že tu zasrává uši, a každých pět minut **nakazovala**: «Spi!...» <doc S|NOV|1993|svet> <s 001-p1124s3>*

‘Она держала своего отпрыска головой под периной, казалось, что она затыкает ему уши, и каждые пять минут приказывала: «Спи! ...»’

Предлагаемая ниже диаграмма иллюстрирует относительную употребительность глаголов *přikázat // přikazovat, rozkázat // rozkazovat, nařídít // nařizovat, poručit // poroučít, nakázat // nakazovat*, учитывая их представленность в текстах «Чешского национального корпуса» в составе эксплицитных перформативных конструкций, а также конструкций с интерпретирующим предикатом.

Интерпретирующие предикаты и перформативы

- Ряд 1 – примеры с прямо-эксплицитными перформативными (т.е. «автоинтерпретирующими» конструкциями типа *Jsem člověk a nařizuju ti, aby ses zastavil* <doc S|NOV|199f|kalib><s 007-p77s6>
- Ряд 2 – примеры, в которых интерпретирующий предикат выступает в качестве комментария к побудительному высказыванию типа «*Jed' dále!*» *nařídil*. <doc S|NOV|1993|jeruz><s 011-p51s2>
- Ряд 3 – примеры, содержащие интерпретирующий предикат в сообщении об имевшем место побудительном высказывании типа *Chief Salamander nařídil, abych tlumočil oběma vládám jeho neochvějnou vůli navázat s nimi co nejprátelštější styk*. <doc S|NOV|1981|s_mloky><s 001-p1337s18>

1 – *nakázat/nakazovat*; 2 – *přikázat/přikazovat*; 3 – *rozkázat/rozkazovat*;
4 – *naříditi/nařizovat*; 5 – *poručit/poroučet*

Как видно из предложенной диаграммы, в тех случаях, когда речь идет о потребности иллокутивно охарактеризовать цитируемое побудительное высказывание, чех в целом с равной предпочтительностью обращается к глаголам *přikázat // přikazovat*, *naříditi // nařizovat*, *poručit // poroučet*, в сообщениях же об имевших место побудительных речевых актах явно доминируют глаголы *naříditi // nařizovat* и *poručit // poroučet*.

Objednávka — заказ

В качестве отдельного вида прескриптивного речевого акта может быть выделен **заказ**. В качестве обоснования его выделения обычно отмечают то обстоятельство, что его осуществление связано с конвенциональными ситуациями общения — ресторан, магазин, бюро обслуживания [Дорошенко 1986]. В речевом акте рассматриваемого типа «приоритетную позицию занимает говорящий, что обусловлено его ситуационной ролью клиента, чьи запросы должен удовлетворять адресат. Адресат расценивает каузируемое действие как обязательное, ибо оно входит в круг его служебных обязанностей» [Беляева 1992: 18].

Нам представляется, что в русской языковой картине мира данный подтип побуждения вычленяется более отчетливо, чем в чешской: хотя чешский язык и располагает глаголами *objednat / objednávat*, он нередко использует в составе интерпретирующего предиката те же глаголы *poručit (si) / poroučet (si)*, что и для выражения **приказа**, ср.:

A k Petrovu zděšení poručil: – Pane vrchní, tři koňaky! (J. Procházka. *И к ужасу Петра он крикнул [букв. заказал]: «Официант, три коньяка!»*)

– *Dvě vodky a dvě piva, pane hostinský, – poručil* (J. Procházka. *«Две водки и два пива, хозяин», заказал он.*)
Vrah se skrývá v poli)

Несмотря на то, что в сообщениях об имевшем место побудительном речевом акте рассматриваемого типа а абсолютном большинстве случаев используются формы типа *objednal / objednával* (в текстах «Чешского национального корпуса» количество примеров этого типа в два с половиной раза превышает общее количество примеров с формами типа *poručil / poroučel*), в тех случаях, когда интерпретирующий предикат выступает в качестве комментария к побудительному высказыванию данного типа, употребительность глаголов *poručit (si) / poroučel (si)* соотносима с употребительностью глаголов *objednat / objednávat*, ср. некоторые примеры из корпуса:

«Jamajský rum!» objednal pan Moritz a sedl si naproti panu Pragovi na poslední volnou židli. <doc S|NOV|1995|tresnak2> <s 001-p2537s1> *‘«Ямайского рома!» – заказал господин Мориц и присел напротив господина Прага на последний свободный стул.’*

Usedl na vysokou barovou židli, opřel se o pult a poručil si: «Jako vždycky, džin a sodu.» <doc S|NOV|1993|pi187> <s 001-p413s3> *‘Он присел на высокий стул у стойки, привалился к пульту и заказал: «Как всегда, джин с содовой.»’*

«Eště jednoho panáka,» objednával si. <doc S|NOV|199h|leponap> <s 020-p92s1> *‘«Еще рюмку,» – заказал он.’*

«Pane hostinský, sem dva štoky, a na mě!» poroučel pan Bedar ... <doc S|NOV|1993|pi187> <s 001-p1221s11> *‘«Хозяин, два пива сюда, и на мой счет!» – заказал господин Бедар ...’*

Příkázání — заповедь, наказ, повеление

Весьма показательно сопоставление чешского *příkázání* и русской *заповеди*. В обоих сопоставляемых языках речь идет о разновидности «авторитарного» побуждения, к отличительным признакам которой относятся: а) стилистическая маркированность, б) ритуализованность; в) максимальная степень обязательности. И русск. *заповедь*, и чешск. *příkázání* характеризуется ограниченной сферой употребления, ср., например, известные *desať zaповедей (desaťero příkázání)* из 5 главы Второзакония.

Однако в то время, как чешское *příkázání* мотивируется тем же глаголом *příkázat*, что и *příkaz*, вступая в силу этого с последним в очевидные ассоциативные связи⁵, русская *заповедь* мотивируется глаголом

⁵ Авторы брненской «Настольной грамматики чешского языка» упоминают *příkázání* в параграфе **Rozkaz / Příkaz**, помещая его в скобках после *příkaz*, то есть фактически дают его как вариант последнего [Příruční mluvnické češtiny 1996: 603].

заповедать, маркированным (в отличие от мотивирующего *приказ* глагола *приказать*) как явный церковнославянизм. Обособлению русской *заповеди* от *приказа* (как общего понятия) способствуют и две примыкающих к ней семантически и стилистически близких интерпретации — *наказ* и *повеление*.

С *наказом заповедь* объединяет некая ритуализованность, отличает же то, что предписанное *заповедью* становится обязательным к выполнению уже навсегда, «время действия» *заповеди* неограниченно, презентно-футуральная перспектива побуждения бесконечна, *заповедь* можно *исполнять*, но нельзя *исполнить*, *наказ* же более конкретен — даже если речь не идет об однократном действии, темпоральные ограничения налицо, *наказ* должен не только *исполняться*, но и *быть исполненным* (ср., например, словосочетание *наказы избирателей*). Несмотря на бесспорную маргинальность, и *наказ*, и *заповедь* продолжают существовать в русском языковом пространстве поля побудительности, о чем свидетельствует, в частности, оперирование этими понятиями современными авторами, ср., например, некоторые фрагменты из работ современных литературоведов: *Дети охотно выражают свою покорность, выслушивают наставления, нисколько не придавая им значения, и потихоньку нарушают все эти заповеди и наказания* (А. И. Журавлева, М. С. Макеев. Александр Николаевич Островский.); *Характерен по центральному ударению и наказ, который дается царем Платову: «Поезжай на Тихий Дон и поведи там с моими донцами междоусобные разговоры насчет их жизни и преданности и что им нравится»* (А. А. Горелов. Н. С. Лесков и народная культура.).

Повеление, в отличие от *заповеди* и *наказа*, не ритуализованно (т.е. не маркировано в качестве такового), с *наказом* его сближает конкретный характер побуждения (*повеление* обычно может не только исполняться, но и быть исполнено), а с *заповедью* — абсолютность авторитета Прескриптора: *велеть* может кто угодно (лишь бы его социальный статус был выше социального статуса Агенса), а *повелеть* / *повелевать* — только Господь⁶ или, по крайней мере, монарх, ср. два примера из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, демонстрирующие выбор *велеть* / *повелеть* в зависимости от статуса Прескриптора: *Командант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака; После обыкновенного приступа он объявил ему, что подозрения насчет участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастью, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решилась помиловать преступного сына и,*

⁶ Здесь *повеление* пересекается с *заповедью*, ср. комментарий к двум из уже упоминаемых *десяти заповедей*: *Наблюдай* день субботний, чтобы свято хранить его, как *заповедал* тебе Господь, Бог твой. <...> *Почитай* отца твоего и мать твою, как *повелел* тебе Господь, Бог твой.

бавляя его от позорной казни, **повелела** только сослать в отдаленный край Сибири на вечное поселение.

Если же социальная роль Прескриптора более скромна, характеристика побуждения в качестве *повеления* служит средством создания иронического эффекта, ср.: «Мистер диГриз, у меня **приказ**. От самого Инскиппа». / «И что же наши дражайший шеф **повелевает?**» (Г. Гаррисон. Стальную крысу — в президенты! Перевод. А. Соловьева).

При этом следует подчеркнуть, что в составе интерпретирующего предиката формы глагола *велеть* в норме используются не для обозначения *повеления*, а в качестве общего понятия для группы «авторитарных» побудительных интерпретаций (*велеть* = ‘высказать / высказывать свою волю, одной которой достаточно, чтобы сделать выполнение каузируемого действия для Агенса обязательным’), конкурируя с формами *приказал,-а,-и, прикажет, прикажи, приказываю*, ср.: *Тупой и скорый на расправу Медведь говорит: «На что тут много разговоров? Вели без дальних сборов Овец передуть. Кому о них жалеть?»* Однако **прямой приказ**, бросающий тень на Льва, непригоден, как и грубая сила. (В. И. Коровин. Басни Ивана Крылова).

Povel — Команда

В качестве особой функциональной разновидности **приказа** следует рассматривать **команду** (чешск. *rovel*), которая может быть представлена как разновидность категорического побуждения к немедленному началу или окончанию конкретного действия при максимальной обязательности исполнения. Именно поэтому **команда** может восприниматься как нечто превосходящее «просто приказ» по категоричности (команда — это не приказ, а строгий приказ), ср.: *Прекрати об этом думать, пришла откуда-то издалека, из окружающего Ранда ничто команда, строгий приказ* (Р. Джордан. Огни небес / Перевод Т. Велимеева, А. Сизикова).

Важной особенностью **команды** следует считать ее более или менее отчетливую «фразеологизованность», что, в частности, предполагает теоретическую возможность задать более или менее исчерпывающий список команд. «Фразеологизованность» команды предполагает определенную ее «деграмматикализацию»: так, русская команда «*Стой!*» (равно как и чешская команда *Stůj!*), в отличие от русского приказа «*Стой здесь!*» (чешского *Stůj tady!*) отнюдь не свидетельствует о том, что ее адресат единичен. Форма единственного числа подчеркивает, что адресат побуждения «понимается как недифференцированная масса, как собирательное множество, поставленное к говорящему лицу в отношении если не подчинения, то, во всяком случае, повиновения» [Виноградов, 1972: 467].

Можно даже говорить о специальном подязыке (или, вернее, подязыках) команд тех или иных профессиональных групп — воен-

ных, спортсменов, летчиков гражданской авиации и т. д. При этом, как отмечается в специальных исследованиях, «чаще всего подъязык команд состоит из слов с фиксированными для конкретных групп обобщающими значениями, правил образования предложений, а также правил образования высказываний» [Болобова, 1994: 49], «команды — самые определенные термины. Они имеют строго обусловленный и хорошо определенный словарный состав» [Рождественский 1993: 146].

Рокуп — указание

В качестве особого социально значимого подтипа побуждения может быть выделено **указание** (чешск. **rokup**), так же, как и **команда**, характеризующееся суженной сферой употребления: с указаниями мы встречаемся «...прежде всего в служебных разговорах, когда, например, руководящий работник дает задания своим подчиненным» [Müllerová 1979: 69]. Следует, впрочем, отметить, что в примерах из Корпуса, содержащих рассматриваемый каузатив, в абсолютном большинстве случаев сохраняется (как минимум потенциально) «этимологическое» значение 'кивнуть, подать знак', ср.:

Královna s nepatrným pousmáním 'Слегка улыбнувшись, королева
pokynula: "Mluvte, pane!" <doc S|NOV|1996|veclaska><s 002-
p10s1> кивнула: «Говорите!»'

"Vy učinili jste z domu otce mého '«Вы превратили дом отца моего
peleš lotrovskou!" řval Krucifix a в вертеп разбойников! – взревел
pokynul svým: "Zkonfiskujte jejich Круцификс и дал знак своим
hříšné peníze, aby chudým rozdány спутникам: – Конфискуйте их
byly!" <doc S|NOV|1996|klima><s грешные деньги, чтобы раздать
004-p209s3> их бедным!»'

Напомnutí

Элементом «авторитарного» участка чешского поля побуждения, не имеющим формального аналога в русском языковом пространстве, является **напомnutí** — *одергивание [букв. напоминание⁷]. О. Мюллерова определяет данное побуждение как «вариант приказа и запрета, реализующийся прежде всего в определенных ситуациях, чаще всего в школе, в семье, при общении взрослых с молодежью и т.п.» [Müllerová 1979: 69]. «Авторитарность» подобного типа побуждения, как нам представляется, несколько завуалирована, ср.:

⁷ Е. А. Филатова относит глагол *напоминать* к числу номинаций речевых актов побуждения в русском языке [Филатова 1997: 64], однако **напоминание** в качестве побудительного речевого акта не анализирует. В качестве **просьбы-напоминания** характеризуется высказывание [мать сыну:] *Ты не хочешь сходить в магазин?* в [Безяева 1998: 55].

Řekni mu tedy, že jsem tě napomínal, abys byl hodnej a dělal mu všechno, co ti na očích vidíš (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka) *‘Скажи ему, что я учил тебя быть послушным и выполнять все, что он ни пожелает.’*

Данный подтип побуждения часто осложняется коннотацией упрека⁸, ср.:

“Lído!” napomenula ji. “Takhle se nemůžeš chovat!” (V. Erben. Bláznova smrt) *‘«Лиди! — одернула ее мать. — Не смей [букв. ты не можешь] так себя вести!»’*

Возможно, что в прошлом веке чешское *napomenutí* было ближе к русскому *напоминанию*, чем сейчас, ср.:

Pánové a dáme, vy odpustíte, že vás ještě jednou napomínám, abyste zde v salónu netančili! (J. Neruda. Merenda nestřídmych) *‘Дамы и господа! Вы меня простите, что я вас еще раз прошу [букв. что я вам еще раз напоминаю...] не танцевать здесь в салоне’*

Обозревая в целом средства и способы экспликации «авторитарного» побуждения в современном чешском языке, следует отметить большую, чем для ряда побудительных высказываний иных типов, узуальность побуждения через тематизацию действия или его последствий и меньшую — через тематизацию необходимости или возможности, ср. следующие диаграммы, иллюстрирующие употребительность средств и способов экспликации различных типов побуждения в текстах «Чешского национального корпуса» (учитывались примеры, содержащие соответствующий интерпретирующий предикат в качестве комментария к побудительному высказыванию):

Диаграмма 1 – побуждение, маркированное по признаку «высокая степень вероятности каузируемого действия, обусловленная авторитарной позицией Прескриптора» (условно «приказ»);

Диаграмма 2 – побуждение, маркированное по признаку «высокая степень мотивированности каузируемого действия» (условно «просьба»);

Диаграмма 3 – побуждение, маркированное по признаку «индикация полезности/неполезности для Агенса каузируемого действия» (условно «совет»);

⁸ Именно это обстоятельство, по-видимому, обусловило следующий вид словарных статей в [ЧРС 1976]:

*napomín||ati*³⁹², *-ám nedok* сделатьI замечание кому.

*napomen||outi*³³⁸, *-u dok koho* сделатьI замечание кому • *~nout žáka z matematiky škol.* сделатьI выговор ученику за плохую успеваемость по математике.

Мы тем не менее полагаем, что приведенные выше примеры позволяют рассматривать упрек именно как факультативную коннотацию, а не как составную часть основного значения *napomenutí*.

Диаграмма 4 – сводная диаграмма по всем типам побуждения (включая побуждение, не маркированное по названным признакам – условно «предложение»).

Диаграмма 1

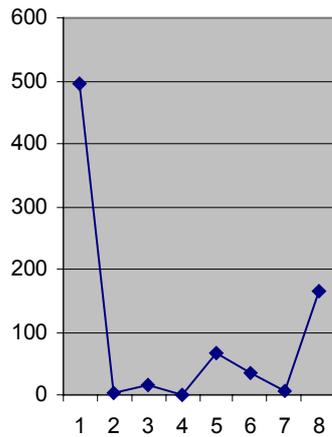

Диаграмма 2

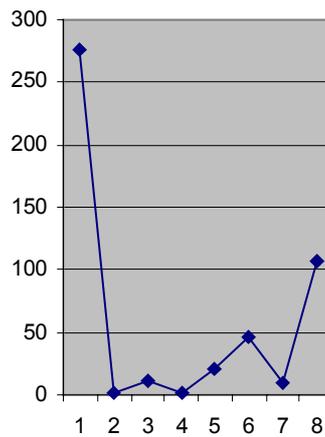

Диаграмма 3

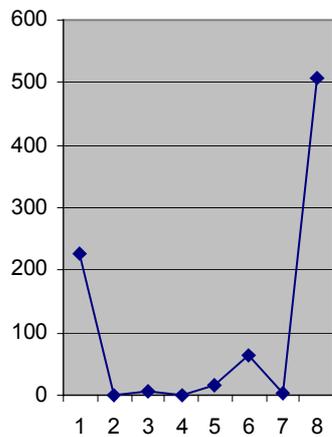
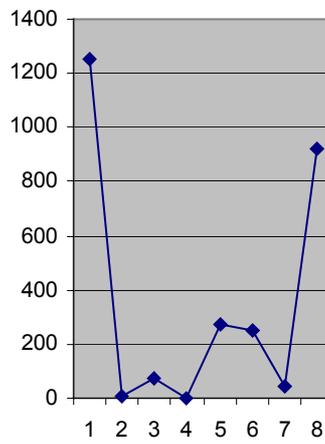

Диаграмма 4

1. Базовые типы иллокутивно универсального побуждения.
2. Базовые типы иллокутивно специализированного побуждения.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. - М.: МАКС Пресс, 2002. - Вып. 21. - 184 с. ISBN 8-317-00458-6

3. Периферийные типы иллокутивно универсального побуждения.
4. Периферийные типы иллокутивно специализированного побуждения.
5. Побуждение через тематизацию действия.
6. Побуждение через тематизацию необходимости или возможности действия.
7. Побуждение через тематизацию волеизъявления.
8. Иные способы побуждения.

Л и т е р а т у р а

- Арутюнов А. Р., Паролкова О., Лизунов В. С.* Чешско-русские речевые параллели в темах и ситуациях. – М.: Русский язык, 1988. – 336 с.
- Безяева М. Г.* Вариативный ряд конструкций русской просьбы // Научные доклады филологического факультета МГУ. Выпуск 2. – М.: Диалог МГУ, 1998. – С. 51-70.
- Беляева Е. И.* Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1992. – 167 с.
- Бирюлин Л. А.* Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. СПб., 1992. – 41 с.
- Болобова О. П.* Лингвистический аспект обеспечения надежности восприятия команд в автомобильном спорте // Актуальные проблемы языкознания и литературоведения. – М., 1994. – С. 49-54.
- Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. – С. 251-275.
- Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
- Дорошенко А. В.* Побудительные речевые акты и их интерпретация в тексте (на материале английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 26 с.
- Рождественский Ю. В.* Техника, культура, язык. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.
- Филатова Е. А.* Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 253 с.
- Чешско-русский словарь // Под ред. *Л. В. Коцецкого* и *Й. Филипча*. – Москва—Прага: Русский язык; SPN, 1976. Т. I – 580 с.; Т. II – 864 с.
- Grepl M., Karlik P.* Skladba spisovné češtiny. – Praha: SPN, 1986. – 474 s.
- Mluvnice češtiny. – Praha: Academia, 1987. D. III. – 748 s.
- Müllerová O.* Komunikativní složky výstavby dialogického textu. – Praha, 1979. – 161 s.
- Příruční mluvnice češtiny. – Brno: Lidové Noviny, 1996. – 800 s.
- Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost / Red. *J. Fílipec, Fr. Daneš et al.* – Praha, 1978. – 800 s.; 2. vyd. – Praha: Academia, 2000. – 648 s.
- Slovník spisovného jazyka českého / Red. *B. Havránek, J. Bělič, M. Hečkl, A. Jedlička, V. Křístek, F. Trávníček et al.* – Praha, 1989. Dd. I. – 555 s.; II. – 594 s.; III. – 637 s.; IV. – 717 s.; V. – 654 s.; VI. – 425 s.; VII. – 442 s.; VIII. – 608 s. [2. vyd.].